

Научная статья

УДК 101.1:316 + 32.019.51 + 303.022 + 94:159.953

doi 10.15826/tetm.2022.3.028

Политический миф как элемент политики памяти

Алексей Андреевич Цельковский

Липецкий государственный технический университет, Липецк, Россия

alts1085@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-2442-5463>

Аннотация. В работе рассматриваются роль и функции политического мифа в процессе формирования исторической памяти и ее осуществления. Особое внимание уделяется анализу феномена политического мессианизма как одного из самых значимых элементов национальной культуры и национального политического менталитета. Рассматриваются трансформации мессианской политической мифологии в различные периоды российской истории. Поскольку в современной российской мифотворческой практике отсутствуют предпосылки для формирования мессианской политической мифологии, то происходит активное обращение к советскому периоду истории, в частности к Великой Отечественной войне. Мифы, связанные с Великой Отечественной войной, становятся наиболее важными в осуществлении политики памяти.

Ключевые слова: миф, политический миф, политика памяти, политический мессианизм

Для цитирования: Цельковский А. А. Политический миф как элемент политики памяти // *Tempus et Memoria*. 2022. Т. 3, № 1. С. 23–28. doi 10.15826/tetm.2022.3.028

Original article

Political Myth as an Element of the Politics of Memory

Aleksei A. Tselykovskiy

Lipetsk State Technical University, Lipetsk, Russia

alts1085@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-2442-5463>

Abstract. The paper examines the role and functions of the political myth in the process of the formation of historical memory and the implementation of the politics of memory. Particular attention is paid to the analysis of the phenomenon of political messianism, as one of the most significant elements of national culture and national political mentality. The transformations of messianic political mythology in different periods of Russian history are considered. Since there are no prerequisites for the formation of a messianic political mythology in modern Russian myth-making practice, there is an active appeal to the Soviet period of history, in particular to the Great Patriotic War. The myths associated with the Great Patriotic War become the most important in the implementation of the politics of memory.

Keywords: myth, political myth, politics of memory, political messianism

© Цельковский А. А., 2022

For citation: Tselykovskiy, A. A. (2022). Politicheskii mif kak element politiki pamyati [Political Myth as an Element of the Politics of Memory]. *Tempus et Memoria*, 3, 1. 23–28. doi 10.15826/tetm.2022.3.028

В условиях нарастающей конфронтации со странами Запада особенно актуальной становится проблема поиска прочных духовных и ценностных оснований коллективной памяти. Массированная пропаганда, информационные войны делают ее особенно уязвимой для различных деструктивных идей и мифов. В этой связи возникает вопрос, касающийся «инструментов» осуществления политики памяти. На наш взгляд, одним из центральных элементов в процессе формирования коллективной памяти, сохранения и трансляции социокультурного опыта, а соответственно и осуществления политики памяти, является современный политический миф. В данном исследовании мы рассмотрим политические мифы, присутствующие в российской политической практике и их роль в политике памяти.

Прежде всего определимся с тем, что представляет собой современный политический миф. Одна из главных особенностей современного мифа заключается в том, что он требует не рационального понимания, а эмоционального вовлечения. В этом заключается главное сходство архаической мифологии с мифологией современной. Подобно архаическому мифу современный миф предлагает общественному сознанию определенные шаблоны мышления и поведения, действующие на бессознательном уровне. По мнению Н. И. Шестова, «социально-политический миф можно определить, как устойчивый и эмоционально окрашенный стереотип восприятия политических реалий прошлого и настоящего, порожденный потребностью ориентации личности и общественных структур в политическом процессе» [Шестов, 79]. Структуру политического мифа можно представить следующим образом. Конституирующим элементом политического мифа являются мифологические символы-архетипы, благодаря которым происходит, во-первых, сакрализация политических процессов; во-вторых, трансляция ценностей. Современный миф апеллирует к бессознательным пластам общественного сознания, вызывая эмоциональный отклик и провоцируя определенное поведение. Транслируемые современным мифом смыслы

становятся для общественного сознания своеобразными ориентирами в пространстве социальной реальности, моделями мышления и деятельности.

Перечисленные выше особенности позволяют современному политическому мифу выполнять ряд значимых социальных функций. Прежде всего политический миф редуцирует картину социальной реальности к понятным образам. При этом политический миф не только создает определенный образ реальности, но и соответствующим образом интерпретирует его, предоставляя набор смысловых шаблонов и стереотипов. То есть помогает субъекту познавать социальную реальность. Из этого следует аксиологическая функция современного мифа. Ценности, создаваемые и транслируемые политическим мифом, ложатся в основу мировоззрения политического субъекта и позволяют ему ориентироваться в смысловом пространстве социальной реальности. Кроме того, в форме политического мифа происходит трансляция социокультурного опыта, что, в свою очередь, способствует самоидентификации субъекта. Отсюда следует праксиологическая функция политического мифа, заключающаяся в обеспечении коммуникации, легитимации политической власти, а также социальной мобилизации.

Таким образом, базовые символы-архетипы, имеющие общекультурное значение, получают истолкование в соответствии с национальным политическим менталитетом и культурными традициями. Устойчивые политические мифы, совпадающие с национальным менталитетом и наиболее полно отражающие его характер, складываются в своеобразную мифологию нации, детерминирующую в числе прочего историческую память.

Определенные исторические обстоятельства способствовали закреплению в национальном менталитете и национальной культуре мессианского политического мифа. Феномен политического мессианизма можно определить как совокупность или систему устойчивых политических мифов, отстаивающих особое положение нации или страны и утверждающих наличие у нее уникальной исторической

миссии. Основными чертами политического мессианизма являются идея уникальности и обособленности национальной культуры, которая противопоставляется прочим культурам; идея наличия собственного исторического пути или особой исторической миссии.

В отечественной истории процесс формирования мессианского мифа сопровождал становление и укрепление Московского государства. Свое наиболее целостное выражение мессианский миф получил в виде религиозно-политической концепции «Москва — Третий Рим». Удачно сложившиеся исторические условия позволили закрепиться данной концепции в национальной культуре и национальном менталитете. Идея «Москва — Третий Рим» изначально носила исключительно религиозный характер, отстаивая духовное превосходство Москвы. Тем не менее, приобретя политическое прочтение, данная концепция стала идейной основой развивающегося Московского государства и одним из элементов легитимности московских правителей. Вся последующая история Российского государства, несмотря на внутри- и внешнеполитические изменения, так или иначе несла в себе отпечаток политического мессианизма.

Мессианский политический миф превратился в одну из самых значимых детерминант национального политического сознания. В начале XVIII в. из-за прозападной политики Петра Великого концепция Третьего Рима заменяется стремлениями к военно-политическому доминированию России. Однако в XIX в. мессианский миф возродился в философии славянофилов. Отчетливые черты мессианского мировоззрения также просматриваются, например, в религиозно-философском споре о русской идее. В форме размышлений о русской идее философы пытались решить ряд вопросов, касающихся специфики национальной культуры и истории, путей развития России, ее отношений с Западом. Русская идея — это не идеологическая программа, это мессианское мировоззрение, выраженное в форме религиозно-философских идей. Как замечает по этому поводу Э. Я. Баталов, «никому из серьезных авторов и в голову не приходило ставить знак равенства между Русской идеей и идеологией или толковать эту Идею как стратегию национального развития... Так что, когда произносили эти два

слова — Русская идея, было понятно, что речь идет о пути России в мировой истории: предначертан ли он всевышним или логикой исторического процесса» [Баталов, 28]. В начале двадцатого столетия мессианский миф отчетливо проявился в форме идеологии Третьего интернационала. Таким образом, в совершенно разных исторических и культурных условиях мессианский миф так или иначе присутствовал в российской истории.

Ввиду того что основная функция политического мифа заключается в смыслообразовании и трансляции социокультурных ценностей, можно заключить, что в осуществлении политики памяти он действительно играет одну из главных ролей. Как замечают Д. И. Гагаури и В. А. Гуторов, «политический миф выступает центральной категорией при изучении исторического сознания наций, политической идентичности гражданских сообществ, структуры коллективной и исторической памяти» [Гагаури, Гуторов, 25]. А учитывая тот факт, что политический мессианизм является одной из характерных черт национальной культуры и исторической памяти, возникает вопрос: присутствуют ли в современной российской политической практике элементы мессианского политического мифа и какую роль они играют в политике памяти?

За последние два десятилетия в официальном политическом дискурсе сформировались довольно четкие тенденции относительно интерпретации прошлого России. При этом одной из ведущих тенденций в мифотворческой практике и политике памяти стало активное обращение к советскому периоду российской истории. Примечательно, что после распада СССР и отказа от мессианской политической мифологии, свойственной советской политической практике, новая властная элита стремилась к отмежеванию от советского периода и установлению символической преемственности с дореволюционной Россией (о чем, к примеру, свидетельствует новая государственная символика).

Однако в начале 2000-х гг. с приходом нового главы государства ситуация претерпела изменения. В частности, появились новые, не свойственные ельцинскому периоду нарративы и модели интерпретации отечественной истории. Как замечают по этому поводу

российские исследователи, «смысловым стержнем нового официального нарратива стала проецируемая на всю “тысячелетнюю историю” России идея великодержавности. Именно государство (вне зависимости от менявшихся границ и политических режимов) выступает в качестве ключевой ценности, скрепляющей макрополитическую общность... Идея “тысячелетней России”, сложившейся в великое государство, способное завоевать “сильные позиции в мире”, стала стержнем исторической политики» [Ефременко, Малинова, Миллер, 133]. То есть выстраивание новой модели российской истории и формирование на ее основе политики памяти потребовали включить в мифотворческую практику советское наследие.

Т. В. Евгеньева, А. В. Селезнева выделяют три этапа в отношении к советскому прошлому. Первый этап — 1990-е гг. Как отмечают исследователи, «в этот период не только представители власти и различных демократических партий и движений, но и обычные граждане с большим энтузиазмом стремились уничтожить все, напомилавшее об СССР (снести памятники, переименовать площади и т. д.)» [Евгеньева, Селезнева, 28–29]. Второй период связан с началом 2000-х гг. Данный период характеризуется, по выражению авторов, «фрагментарным интересом» к советскому наследию. И третий этап наступает в 2010-х гг., связан он с «системно-функциональной актуализацией» образов и символов советского прошлого. К примеру, в 2000 г. был принят новый государственный гимн. Была сохранена мелодия советского гимна, сочиненная А. В. Александровым, текст был написан С. В. Михалковым — одним из авторов слов гимна Советского Союза. В своем заявлении, посвященном принятию новой государственной символики, президент высказал мысль, что смысл государственных символов заключается в том, чтобы объединить различные периоды российской истории в единую непрерывную линию. То есть в ситуации отсутствия государственной идеологии власть стала активно использовать идею величия Советского Союза для обоснования амбиций современной России и формирования образа великой страны с уникальной культурой и духовностью, которой принадлежит множество достижений и побед,

важнейшая из которых — победа в Великой Отечественной и Второй мировой войне.

После распада СССР День Победы остался единственным праздником советской эпохи, сохранившим свое значение и отмечающимся на государственном уровне. С начала 2000-х гг., по мере укрепления власти президента, новое руководство начинает использовать мифотворческий потенциал, связанный с победой в Великой Отечественной войне, ставшей одним из самых значимых символов, демонстрирующих героизм народа и мощь государства. Принесены огромные жертвы на алтарь победы, СССР остановил распространение фашизма и внес решающий вклад в самую кровопролитную и разрушительную войну в истории человечества. Все это создало особый ореол победы Добра над Злом, соответствующий мессианскому компоненту национального политического сознания.

Для современной России Великая Отечественная война стала одним из самых значимых символов, репрезентирующих ее особую историческую роль, и одним из самых устойчивых элементов политики памяти. Как отмечает Копосов, «миф о войне стал настоящим мифом происхождения постсоветской России» [Копосов, 163]. Поэтому любые идеологические или пропагандистские заявления, отрицающие данную позицию, вызывают резкую реакцию руководства страны. Например, 19 сентября 2019 г. Европейский парламент принял резолюцию «О важности сохранения исторической памяти для будущего Европы», осуждавшую заключение пакта Молотова — Риббентропа. Согласно резолюции именно заключение этого пакта сделало Вторую мировую войну неизбежной. То есть фактически резолюция возлагала на СССР равную с нацистской Германией ответственность за развязывание войны.

Как реакция на подобные заявления, в июне 2020 г. в российской прессе появилась статья за авторством В. В. Путина, посвященная 75-й годовщине победы в Великой Отечественной войне. В статье были перечислены причины войны, а также роли различных государств в ее развязывании. Одной из главных причин, приведших к войне, В. В. Путин называет Мюнхенское соглашение 1938 г. (Мюнхенский сговор), которое, по оценке В. В. Путина, сделало Вторую мировую войну неизбежной. Заключение пакта

Молотова — Риббентропа В. В. Путин назвал ответным шагом советского руководства, получившего наглядное свидетельство нежелания европейских держав учитывать интересы СССР. В этой связи резолюцию Европарламента об оценке роли Советского Союза в развязывании войны В. В. Путин назвал скандальной. Ключевой мыслью статьи является признание победы над гитлеровской Германией заслугой СССР. В первую очередь именно советский народ одержал победу над нацизмом.

Действительно, одной из самых очевидных тенденций в мифотворческой практике и политике памяти стало обращение к советскому периоду истории и Великой Отечественной войне в частности. Отчетливо просматривается и поставленная цель — создание образа сильного государства, претендующего на лидерские позиции на международной арене и занимающего особое положение в мировой истории. Таким образом, есть все основания говорить о попытках возрождения мессианской

политической мифологии. Тем не менее существует ряд факторов, препятствующих формированию целостной мессианской мифологии. Главная причина заключается в отсутствии оригинальной идеологической системы, на основе которой могла бы возникнуть мессианская политическая мифология.

Исходя из сказанного ранее, можно сделать ряд выводов. Прежде всего необходимо отметить, что политический миф является неотъемлемым элементом в формировании коллективной памяти. Учитывая тот факт, что одной из характерных черт национальной культуры и политического менталитета является мессианизм, можно заключить, что мессианский политический миф представляет собой один из эффективных инструментов осуществления политики памяти. Однако, в условиях отсутствия общегосударственной идеологии, происходит обращение политики памяти к мессианской политической мифологии советской эпохи.

Список источников

- Баталов Э. Я. Русская идея и американская мечта. М. : Прогресс-Традиция, 2009. 384 с.
 Гагаури Д. И., Гуторов В. А. Политический миф в структуре исторической памяти // Вестн. Моск. ун-та. Сер. 12 : Политические науки. 2017. № 2. С. 24–45.
 Евгеньева Т. В., Селезнева А. В. Советское прошлое в ценностном и образно-символическом пространстве российской идентичности // Полис. Политические исследования. 2016. № 3. С. 25–39.
 Ефременко Д. В., Малинова О. Ю., Миллер А. И. Политика памяти и историческая наука // Российская история. 2018. № 5. С. 128–140.
 Копосов Н. Е. Память строгого режима: История и политика в России. М. : Новое лит. обозрение, 2011. 320 с.
 Шестов Н. И. Политический миф теперь и прежде. М. : ОЛМА-ПРЕСС, 2005. 111 с.

References

- Batalov, E. Ya. (2009). *Russkaya ideya i Amerikanskaya mechta* [The Russian Idea and the American Dream]. M.: Progress-Traditsiya. 384 p.
 Gagauri, D. I., Gutorov, V. A. (2017). Politicheskii mif v strukture istoricheskoi pamyati [Political myth in the structure of historical memory]. *Vestnik Moskovskogo universiteta. Ser. 12. Politicheskie nauki*, 2, 24–45.
 Evgen'eva, T. V., Selezneva, A. V. (2016). Sovetskoe proshloe v tsennostnom i obrazno-simvolicheskom prostranstve rossiiskoi identichnosti [The Soviet Past in the Value and Figurative-Symbolic Space of Russian Identity]. *Polis. Politicheskie issledovaniya*, 3, 25–39.
 Efremenko, D. V., Malinova, O. Yu., Miller, A. I. (2018). Politika pamyati i istoricheskaya nauka [The politics of memory and historical science]. *Rossiiskaya istoriya*, 5, 128–140.
 Koposov, N. E. (2011). *Pamyat' strogogo rezhima: Istoriya i politika v Rossii* [Strict Regime Memory: History and Politics in Russia]. M.: Novoe literaturnoe obozrenie. 320 s.
 Shestov, N. I. (2005). *Politicheskii mif teper' i prezhdze* [A political myth now and before]. M.: OLMA-PRESS. 111 p.

Сведения об авторе

Цельковский Алексей Андреевич, кандидат философских наук, доцент кафедры философии Липецкого государственного технического университета, г. Липецк, Россия

Information about the author

Aleksei A. Tselykovskiy, Cand. Sci (Philosophy), associate professor department of philosophy Lipetsk State Technical University, Lipetsk, Russia

*Статья поступила в редакцию 15.08.2022;
одобрена после рецензирования 01.09.2022;
принята к публикации 10.09.2022*

*The article was submitted 15.08.2022;
approved after reviewing 01.09.2022;
accepted for publication 10.09.2022*